

Лейзер и Фишль ЧИЖ

Братья из Мотоля – основатели студии звукозаписи «Chess Records» в США

Выходцы из Мотоля, эмигрировавшие в 20-х годах прошлого века в Америку, начав трудовую деятельность в нежном возрасте на мусорной свалке в фирме отца, переменили много способов зарабатывать на хлеб насущный, прежде чем открыли собственную студию звукозаписи в Чикаго. «Chess Records» в 50-60 годах выпустила и открыла миру практически всех великих музыкантов, игравших блюз, джаз и рок-н-ролл – от Мадди Уотерса до «Rolling Stones».

Для написания очередного своего опуса я решил опустошить семейный бюджет. Пусть жена теперь соображает, как нам протянуть до следующей полочки. А я буду курить сигару, пить виски «Белая лошадь» и слушать моих любимых Мадди Уотерса, Бо Диддли и Чака Берри. Жаль только, что это будут обыкновенные DVD-диски, а не оригинальные пластинки «Chess Records» на 78 оборотов.

Выхолощенная «цифрой» музыка. Отфильтрованная Гуглем или Яндексом информация. Здоровый образ жизни. Безопасный секс. Вот приметы нашего времени.

Но я многое готов отдать, чтобы оказаться, хотя бы на время, (а лучше остаться навсегда) в году этак 47-ом XX века в Чикаго, на углу 39-й улицы и Коттедж-гроув, в клубе «Макомба-Лаундж» -- значном месте, где шныряют между столиками наркоторговцы, сквозь сигарный дым проступают проститутки, а на сцене – Бог ты мой! – перед микрофоном – Элла Фицджеральд и Луи Армстронг, Лайонел Хэмптон и Билли Холидей. Я ищу глазами хозяина этого заведения Леонарда Чесса или его младшего брата Фила. Мне, гостю из будущего, хотелось бы много о чем их расспросить. Мне также есть о чем им рассказать, например, об их бедной и несчастной родине. Но кто я такой – простой подвыпивший гуляка, черт знает как оказавшийся в данное время в данном месте, на меня не стоит обращать внимания, разве что... Да,

нечто высокое и смуглое, со соскальзывающей по плечу шлейкой: «Угостите девушку выпить?». Последнее, что я успеваю заметить, – входящего в зал чернокожего парня с гитарой. «Мадди Уотерс», -- шепчу я и зарываюсь в грудь негритянки.

Чемодан, вокзал, Чикаго

Жил-был в Мотоле еврей по имени Иосиф Чиж. Родил он двух сыновей – в 1917-ом Лейзера, через пять лет Фишля и дочку Малку. Как вы сами понимаете, времечко было не самое благоприятное, чтоб сыновей рожать, деревья сажать и дома строить. (А когда, собственно, у нас для этого благоприятные времена были? Что-то не припомню). Вот и подался наш Щегол, пардон, Чиж, по примеру тысяч своих соплеменников, в поисках лучшей жизни в Америку. Видимо, он ее, родимую, эту самую лучшую жизнь, там и нашел, раз выписал все свое семейство к себе.

Сошли они на американский берег полным составом в 1928 году. И тут, на пропускном пункте, были даны им два знамения, во многом определившие их дальнейшую жизнь. Во-первых, Лейзер в раннем детстве перенес полиомиелит и носил на ногах специальные скобки. Мать Лейзера, испугавшись, что из-за этой болезни их могут не пустить в страну, спрятала эти скобки. И он никогда в жизни их больше не надевал. Во-вторых, чиновник миграционной службы, оформляя документы, произвел, так сказать, обряд инициации, дал им американизированные имена: были Лейзер и Фишль Чиж – стали Леонард и Фил Чесс. «Chess» по-английски – «шахматы». В общем, с легкой руки чиновника была им дана судьба - рассчитывать и просчитывать, ибо, что есть бизнес, как не экономические и житейские шахматы.

Терпение и труд – все перетрут

По своему социальному положению семья Чесс мало чем отличались от чернокожих: они точно так же стремились вырваться из нищеты и преодолеть межнациональные барьеры. Леонард и Фил выросли на западной окраине Южного района Чикаго и с детства усвоили негритянский диалект. Легко можно себе представить, какое образование получили пацаны. В таких районах лучшим учителем является улица – драки, мелкое воровство и прочее. Учась в местной школе, Леонард постоянно подрабатывал – то молочником, то продавцом газет и обуви. Подростком стал работать у отца в фирме по переработке мусора.

Считать и просчитывать, оправдывая данную им фамилию, братья, видимо, научились очень хорошо. За десять лет упорного труда они стали владельцами нескольких винных магазинов и баров, расположенных в Южном районе. Последним их приобретением стал клуб «Макомба-Лаундж» на пересечении 39-й улицы и Коттедж-гроув. Завсегдатаями этого заведения были бандиты и проститутки, наркоторговцы и сутенеры. Но именно в таких клубах развивалась великая негритянская музыка – джаз. Как писала Анна Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» В «Макомба-Лаундж» часто выступали Луи Армстронг, Элла Фицджеральд, Билли Экстайн, Лайонел Хэмптон, Билли Холидей, Джин Эммонс.

Аппетит, как известно, приходит во время еды. То же верно и для бизнеса. Поэтому, узнав, что многие звукозаписывающие фирмы заинтересовались Эндрю Тиббсом, вокалистом клубного состава «Макомбы», Леонард решил, что сам займется его продюсированием. Он вошел в долю с семейством Арон, и они открыли фирму «Aristocrat Records Company».

Выход в свет первой же пластинки ново-испеченной студии был омрачен скандалом. В песне Тиббса «Union Man Blues» речь шла о профсоюзах, и она настолько оскорбила высокие чувства рабочих, что они пытались сорвать доставку дисков в магазины и даже уничтожить их. Вторая вещь – «Biblo Is Dead» – рассказывала о смерти известного сенатора-расиста. Здесь уже обиделись южане, и на территории южных штатов пластинка была запрещена. Тем не менее, Чесс сумел продать большую часть тиража, и фирма осталась на плаву.

В дальнейшем «Aristocrat Records» записали еще несколько пластинок Эндрю Тиббса. Также вышли в свет диски групп «Five Blazes», «Jump Jackson Orchestra», «The Dozier Boys» и Джо Джо Адамс и Ли Монти.

Великий Мадди Уотерс

Но жизнь не стоит на месте. У каждого времени есть свои герои и гении. Люди, которые наиболее емко вбирают в себя окружающее и точно передают его дух, будь то в литературе, музыке или искусстве. Одним из таких гениев, безусловно, является Мадди Уотерс.

Надо сказать, что Леонард Чесс поначалу мало разбирался в музыке и доверял больше Сэму Голдбергу, отвечавшему в «Aristocrat Records» за приток новых талантов. Как раз в 1947 году Голдберг познакомился с Мадди Уотерсом, и тот стал захаживать в «Макомбу». Хотя фирма в то время занималась исключительно джазом, Голдберг был уверен, что блюз будет иметь у публики еще больший успех, и уговорил Чеса записать новое дарование. Результаты записи Леонарда не впечатлили, и выпуск пластинки «Gypsy Woman» был отложен на несколько месяцев. В конце концов, пластинка вышла, но Чесс относился к ней с прохладцей, почти ее не рекламировал.

Леонард Чесс

Фил Чесс

Так братья Чесс выглядят в фильме, темнокожие музыканты изображают Джими Роджерса и Вилли Диксона

Мадди Уотерс

Мадди очень расстроился: он знал, что пишет настоящие хиты, была бы только возможность донести их до публики.

Спустя год «Aristocrat» вновь приглашает Уотерса на запись. Леонард ворчит, он не верит в успех этого предприятия. Однако, записи других артистов, сделанные «Aristocrat», продаются неважно, и Леонард, после долгих колебаний, дает «добро» на выпуск «I can't Be Satisfied» и «I Feel Like Going Home» тиражом в три тысячи экземпляров. Пластинки попали в магазины Южного района в субботу около полудня. Успех был колоссальный: к двенадцати часам следующего дня весь тираж был раскуплен.

Первая удача сблизила Мадди и Леонарда. С этого момента начинается их долгое сотрудничество, которое приведет к успеху и фирму «Chess Records», и самого Уотерса, и многих других блюзменов. Мадди свято верил, что Леонард – лучший продюсер в мире и своей карьерой он обязан только ему. Они не подписали ни одного контракта, все их договоренности скреплялись простым рукопожатием, но Мадди всегда твердил: «Семья Чесс – мои хозяева».

Blues, Jazz & Rock & Roll

В 1950 году Леонард Чесс выкупает долю супругов Арон и переименовывает фирму в «Chess Records». Дела идут настолько успешно, что он создает дочерние фирмы «Cheker» и «Argo». На «Argo» записывались звезды джаза и соул – Вест Монтгомери, Этта Джеймс, Ахмад Джамал.

В это же время на «Chess Records» приходит Вилли Диксон, который становится автором большинства хитов, записанных студией, аранжировщиком и искателем новых талантов. Он привлек под крыло студии таких великих музыкантов, как – Хаулин Вулф, Санни Бой Вильямсон, Элмор Джеймс. На протяжении без малого двух десятков лет «Chess Records» являлась чуть ли не законодателем мод афро-американской музыки. Ее пластинки неизменно занимали первые ступени хит-парадов Америки. Фирма собрала вокруг себя почти весь цвет блюза своего времени – эта музыка на десятилетия вперед определила пути развития блюза.

Но братья и здесь решили не останавливаться, а идти дальше. В 1955 году Мадди Уотерс привел к Леонарду еще никому неизвестного Чака Берри. Леонарда заинтересовали эксперименты Чака, и 21 мая был записан в студии первый сингл Чака Берри «Maybellene», сочетавший напор ритм энд-блюза и стилистику кантри. Синг был распродан тиражом в миллион экземпляров и долгое время сохранял первую строчку американского хит-парада. Именно Чака Берри считают основоположником рок-н-ролла. Недаром суперзвезды 60-х годов, такие как «Animals», «Rolling Stones», «Fleetwood Mac», приезжали в ее давно устаревшие студии для записи своих новых альбомов, поскольку пластинки, записанные именно здесь, вдохновили их самих на творческий поиск.

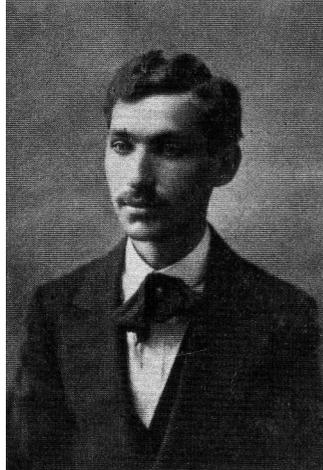
После смерти основателя студии Леонарда Чесса в 1969 году дела фирмы за несколько лет пришли в коммерческий и творческий упадок. Пройдя через несколько рук, ее архивы перешли в собственность монстра звукозаписи MCA.

Продолжение следует

Но и на этом история не заканчивается. Легенды должны жить вечно. В 2008 году режиссер Дарнелл Мартин снял фильм «Кадиллак рекордс». Роль Леонарда Чесса сыграл Эдриан Броуди. В картине точно воссозданы атмосфера и дух того времени, а роли музыкантов

сыграли современные известные исполнители блюза, джаза и кантри. И хоть сын основателя фирмы – Маршалл – отозвался о фильме пренебрежительно, мол, картина мало имеет отношения к реальности, режиссера хвалили именно за точную передачу смысла и духа музыки, которую записывал его отец. А сам Леонард Чесс показан очень человеческим боссом, обладающим проницательностью и чутьем.

Яков БАЛГЛЕЙ

В плеяде художников Парижской школы

Короткая и насыщенная событиями и красками жизнь уроженца Брест-Литовска. Сын раввина уехал в столицу империи учиться на врача. Однако осознал в себе дар художника, проделал путь с севера на юг, в Одессу, а затем и вовсе в Париж, как и другие, более знаменитые его современники, выходцы из Беларуси, – Шагал, Сутин, Зак, Цадкин. Вместе с ними жил в знаменитом парижском «Улье». К сожалению, трудная жизнь и напряженная работа подорвали здоровье художника. Он скончался в Париже от сердечного приступа в возрасте 43-х лет.

В мае 2013 года в городе над Бугом прошла выставка, посвященная жизни и творчеству художника Парижской школы, уроженца Брест-Литовска Якова Балглей. Это был совместный проект «Брестского курьера» и художественного салона «БелАрт». На выставке были представлены около тридцати репродукций работ художника в живописи и графике, а также уникальные фотографии. Выставка стала возможной благодаря Кэтлин Балглей – дальней родственнице художника, живущей ныне в далекой Калифорнии, и посетившей не так давно наш город и представившей в нашей редакции парижское издание книги о Якове Балглее.

Одни становятся легендами при жизни. О них говорят, их имена то и дело появляются в печатных, а теперь и электронных СМИ. Их жизнь известна чуть ли не поминутно – что, где, когда, с кем. Они могут, как Пикассо, расплатиться в дорогом ресторане за обед, просто оставив на салфетке свой автограф.

Другие, обладая, может быть, не меньшим талантом, вынуждены влачить бедственное существование. Их имена известны узкому кругу специалистов и ценителей при жизни, да и после смерти их труд ожидает долгая дорога к широкому признанию. И таких примеров мы знаем немало.

В чем тут дело? В несправедливом распределении милостей судьбы, когда одним – все, другим – ничего? В ограниченном количестве мест под солнцем? В характере и темпераменте

того или иного таланта? В конкуренции и способности к самопиару? У одного «я» бывает так много, а другой – и шелотом-то это «я» произнести стыдится. Или – в нежелании и лени, пусть даже и просвещенной, публики иметь дело с большим количеством поэтов, художников, музыкантов, назначая по одному гению на эпоху? Вопросов много, и однозначных ответов нет. Меня, помнится, в школе, на уроках литературы, так и учили – писатель, скажем шире – Художник, ставит вопросы, а общество отвечает. Хотя и тогда, и сейчас я не согласен с учителем. Один однозначный и всеобъемлющий ответ у писателей все же был. У Гоголя и Пушкина – «Нет ответа» и «Народ безмолвствует».

Все эти вопросы мы вправе задать и применительно к сегодняшнему нашему герою. И ответов однозначных, как водится, не будет. Да и информации о замечательном художнике, уроженце нашего города Якове Балглее, увы, все еще не так много.

Рождение и предназначение

Родился будущий художник Парижской школы Яков Балглей в Брест-Литовске 7 марта 1891 года. В этот день Российская империя установила дипломатические отношения с Великим герцогством Люксембург. Как эти два события связаны? Весьма отдаленно, но все же... Парижский Музей в Люксембургском саду в середине двадцатых годов XX века первым приобретет работы молодого художника. *«Бывают странные сближенья».*

Сын раввина не мог не получить ортодоксального религиозного воспитания и образования. Возможно, вспоминая детские годы, он позже напишет: *«У меня нет слов, чтобы выразить часы вечерней молитвы. Храм казался мне населенным святыми».* Пожалуй, это самое светлое детское воспоминание. В остальном – скучная, бедная жизнь. Лампа, едва освещающая обеденный стол, «la каша noir» – черная каша...

Вполне естественно, что юноше хочется вырваться из этого провинциального «ада», когда каждый следующий день как две капли воды похож на предыдущий. Беспросветность, уныние, тоска. Вот только что и есть – тусклый свет лампы. Бежать! В столицу! Эта мантра не только чеховских трех сестер, а, пожалуй, всех молодых людей всех времен. Ну, и рванул парень в Петербург.

Как быть, кем быть, или из Северной Пальмиры в Южную

Но известно ведь – хорошо там, где нас нет. Жить евреям в Петербурге позволялось только по особому разрешению. Одна из немногих сфер деятельности, в которой можно было себя реализовать евреям – медицина. Вот и пошел учиться Яков по медицинской части. Хотя есть одно смутное подозрение. Может, сердечко пошаливало у нашего героя с самого детства. Это ведь для врачей не редкость – выбор профессии диктуется зачастую собственными проблемами со здоровьем. Что ж, логично: поможешь себе, поможешь и другим.

Для юношей из провинции учеба, даже для самых целеустремленных из них, не всегда является основополагающим занятием. Тем более – в Петербурге, где сами улицы и проспекты, кажется, воспитывают чувство прекрасного, а уж музеи и театры – само собой. И если раньше Яков ощущал в себе способности к рисованию, то здесь способности эти превращаются в необоримую страсть. Все, прощай медицина! А если сердце и болит, то искусство, порой, лечит лучше медиков и лекарств. Но и жизнь в Петербурге становится невозможной.

Значит, опять в путь-дорогу. Яков перебирается из Северной Пальмиры в Южную – в Одессу. И то верно – ни тебе антисемитизма до определенной степени, солнце, море, да и жизнь сама по себе дешевле, чем в столице. В Одессе Яков Балглей учится в местной рисовальной школе на архитектурном отделении. Но и здесь молодой человек долго не выдержал. В 1911 году он покидает родные широты. Как оказалось – навсегда.

Парижский «Улей»

Знаменитая фраза Ильи Эренбурга «Увидеть Париж и умереть» вполне применима и к Якову Балглею. Двадцать три года жизни, с небольшими перерывами на путешествия по Палестине и в Александрию, пройдут в столице Франции и мирового искусства. Поселился в знаменитом парижском «Улье». Этот прославленный фаланстер, созданный меценатом Альфредом Буше в 1902 году, дал приют многим начинающим и ставшим потом знаменитыми художникам, поэтам и музыкантам. Плата за проживание в нем была чисто символической – как два недоорогих обеда. Зато начинающий художник мог здесь получить бесценный опыт – и эстетический, и просто человеческого общения. Страсти и споры в «Улье» кипели нешуточные. Да и среда поэтов и художников весьма специфическая – ярмарка тщеславия работает круглый год, костры амбиций горят днем и ночью. Выжить в такой среде, может быть, сложнее, чем в джунглях.

Среда – средой, но всегда под рукой улицы Парижа, как когда-то Петербурга, сонм музеев, можно посещать лекции на правах вольного слушателя. Вот в эту жизнь и окунается Яков. Продолжает изучать архитектуру, увлекается историей и философией. Из художников его больше всего привлекают Дюрер, Рембрандт, Гойя. Все это наслаивается на предыдущий личный опыт. Неудиви-

В мастерской. 1917 г.

Человек. Гравюра.

Портрет дамы с собакой. 1918 г.

тельно, что в этот период он создаёт темные, мрачные картины, с философскими аллегориями и аллюзиями к любимым мастерам. В это время в письме к одному из своих друзей он признаётся: *«Я постоянно думаю о страданиях всех этих бедных людей. Мое единственное желание и моя единственная цель состоит в том, чтобы показывать дикие инстинкты этого зверя, который называется Человеком»*. Ничего себе творческое кредо молодого художника, да? Но с другой стороны, именно в юности жизнь кажется трагичной и невыносимой, и боль жизни чувствуешь так остро, как никогда больше. Не испытав этой «боли жизни», не станешь Художником.

Работа над собой всегда приносит плоды. Постепенно приходят первые успехи. В 1918 году ряд графических работ был опубликован в качестве иллюстраций к сборнику басен. В 1920-м, видимо, все еще ощущая недостатки образования, Балглей поступает в Школу декоративного искусства.

К свету и смерти

Примерно в это же время художник женится, на свет появилась дочь Анна. В 1922 году семья переезжает в собственную квартирку на улице Морилон. Критики хвалят картины Балглея, хотя о них писать. А он то ли ворчит, то ли отмахивается от них: *«Я не готов... Учусь, я не знаю еще ничего. Подождите»*. В 1924 году его работы, как уже говорилось выше, приобретает Люксембургский Музей. В том же году, в ноябре, в галерее Barbazanges состоялась его первая и, увы, единственная персональная выставка. Через год публикуется альбом «Незаконченное обучение», в который вошла 21 работа художника. Уже само название альбома достаточно красноречиво.

В 1928 году в творчестве Якова Балглея намечается перелом. В картинах появляется больше света, на смену монохромным приходят яркие и теплые краски. Меняются сюжеты картин. Сказывается влияние импрессионистов. Картины становятся более оптимистичными, что ли. Частый сюжет – женщина с ребенком на руках. Наверняка еще больше художника окрыляет рождение второй дочери. Он много и напряженно работает.

Все это счастье работы и жизни рухнуло 14 июня 1934 года. Сердце – главный инструмент Художника – не выдержало. Так оно, к сожалению, часто и бывает – можно выдержать боль и тьму, но сердце взрывается по дороге к свету.

Однако и после смерти художника работы его не теряли своей актуальности. Ретроспективные выставки картин Якова Балглея проходили в лучших парижских галереях в 1939-м, 1948-м и 1955-м годах. А в 1974 году мэрия 1-го района Парижа провела мемориальную выставку «Балглей и преодоленный апокалипсис».